

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ПОХИЩЕННОЕ ПИСЬМО

Часть сборника: Убийство на улице Морг (сборник)

Истории Огюста Дюпена

Эдгар Аллан По
Похищенное письмо

«АСТ»

1844

По Э.

Похищенное письмо / Э. По — «АСТ», 1844 — (Истории Огюста Дюпена)

«Как-то вечером в Париже, осенью 18.. года, вскоре после наступления темноты я сидел со своим другом С. – Огюстом Дюпеном в его тихой небольшой библиотеке, или, вернее, в хранилище для книг au troisième № 33 Rue Dunôt Faubourg St. Germain и, прислушиваясь к завыванию ветра на дворе, услаждал свою душу размышлениями и пенковой трубкой. Битый час мы хранили молчание, всецело погруженные, как показалось бы случайному наблюдателю, в созерцание причудливых облаков дыма, наполнивших комнату. Что до меня, однако, то мысли мои были заняты некоторыми событиями, о которых мы беседовали ранее в тот вечер, – я имею в виду историю на улице Морг и тайну, связанную с убийством Мари Роже. Вот почему я невольно вздрогнул, когда дверь распахнулась и в комнату вошел наш старый знакомый, мосье Г., префект парижской полиции...»

© По Э., 1844

© АСТ, 1844

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Эдгар Аллан По

Похищенное письмо

Nil sapientiae odiosius acumine nimio¹.

Сенека

2

Как-то вечером в Париже, осенью 18.. года, вскоре после наступления темноты я сидел со своим другом С. – Огюстом Дюпенем в его тихой небольшой библиотеке, или, вернее, в хранилище для книг au troisième № 33 Rue Dunôt Faubourg St. Germain³ и, прислушиваясь к завыванию ветра на дворе, услаждал свою душу размышлениями и пенковой трубкой. Битый час мы хранили молчание, всецело погруженные, как показалось бы случайному наблюдателю, в созерцание причудливых облаков дыма, наполнивших комнату. Что до меня, однако, то мысли мои были заняты некоторыми событиями, о которых мы беседовали ранее в тот вечер, – я имею в виду историю на улице Морг и тайну, связанную с убийством Мари Роже. Вот почему невольно вздрогнул, когда дверь распахнулась и в комнату вошел наш старый знакомый, мосье Г., префект парижской полиции.

Мы встретили его приветливо; хоть многое в нем заслуживало презрения, но человек он был презабавный, – к тому же мы не видели его несколько лет. Мы сумерничали, и Дюпен тут же встал, чтобы зажечь лампу, но снова уселся в свое кресло, когда Г. сказал, что пришел посоветоваться с нами, или, скорее, узнать мнение моего друга об одном служебном происшествии, причинившем ему немало неприятностей.

– Если дело это требует размышления, – заметил Дюпен, задувая спичку, поднесенную было к фитилю, – лучше рассматривать его в темноте.

– Еще одна из ваших странных затей, – заметил префект, имевший обыкновение называть «странным» все, что превышало его разумение, и окруженный, вследствие того, со всех сторон «странностями».

– Совершенно верно, – сказал Дюпен, предложив гостю трубку и пододвинув ему удобное кресло.

– Но что же случилось сейчас? – спросил я. – Надеюсь, больше никто никого не убивал?

– Нет, нет, это история совсем иного рода. Конечно, дело это *самое простое*, и я не сомневаюсь, что мы вполне с ним справимся и сами. Но я подумал, что Дюпену интересно будет услышать подробности, потому что дело это *странное* до крайности.

– *Простое и странное?* – повторил Дюпен.

– Ну да, конечно... или, вернее, нет. По правде говоря, мы все весьма озадачены, ибо дело это *такое простое*, и все же оно ставит нас в тупик.

– Возможно, именно эта простота и сбивает вас с толку, – заметил мой приятель.

– Что за *чепуха!* – воскликнул префект, заливаясь громким смехом.

– Возможно, тайна эта *слишком* прозрачна, – сказал Дюпен.

– Господи помилуй! Нет, вы когда-нибудь слышали такое?

– *Слишком* очевидна...

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ох-хо-хо! – хохотал наш гость, веселясь от души. – Ах, Дюпен, вы меня уморите!

– Но *в чем же* все-таки дело? – спросил я.

¹ Для мудрости нет ничего ненавистнее мудрствования (*лат.*).

² © Перевод. Н. Демурова, 2002.

³ В Сен-Жерменском предместье, на улице Дюно, 33, четвертый этаж (*фр.*).

– Да я вам расскажу, – отвечал префект с расстановкой, выпуская длинную, ровную струю дыма и устраиваясь поудобнее в кресле. – Расскажу в нескольких словах, но, прежде чем начать, мне хотелось бы предупредить вас, что дело это требует полнейшей тайны и что я наверняка потеряю свой пост, если станет известно, что я кому-то о нем поведал.

– Продолжайте, – сказал я.

– Или остановитесь, – сказал Дюпен.

– Так вот, мне стало известно (заметьте, сведения эти идут из очень высокого источника, доступного только мне), что из королевских покоев похищен некий документ чрезвычайной важности. Похититель известен – сомнений здесь быть не может: его видели в момент похищения. Известно также, что документ все еще находится в его руках.

– Откуда это известно? – спросил Дюпен.

– Это явствует, – ответил префект, – из характера самого документа, равно как и из отсутствия неких результатов, которые бы непременно последовали, если б похититель *выпустил* его из рук, вернее, если б он использовал его в целях, для которых оно было похищено.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Что ж, я рискну заметить, что документ этот дает его обладателю некую власть в некоей области, в коей власть эта имеет огромную ценность.

Префект любил выражаться дипломатически.

– И все же я не понимаю, – сказал Дюпен.

– Не понимаете? Гм... предъявление этого документа третьему лицу, которого мы оставим безмянным, затронет честь одной особы чрезвычайно высокого рода. Обстоятельство это дает обладателю документа определенную власть над высокочтимой особой, спокойствие и честь которой он подвергает опасности.

– Но эта власть, – вмешался я, – будет зависеть от того, известно ли похитителю, что он известен пострадавшей. Кто же осмелится...

– Вор, – сказал Г., – это министр Д., который осмелится на все, достойное и недостойное мужчины. Способ похищения был столь же хитроумен, сколь смел. Документ, о котором идет речь (откровенно говоря, это письмо), был получен пострадавшей, когда она находилась одна в королевском *boudoir*. За чтением этого письма ее застало второе высокородное лицо, от которого в особенности ей хотелось его скрыть. Она попыталась сунуть письмо в ящик, но не успела и была вынуждена положить его на стол. Адресом, правда, оно лежало вверх, и, так как текст письма был таким образом скрыт, оно не обратило на себя внимания. В эту минуту входит министр Д. Его острый взгляд мгновенно замечает письмо, он узнает руку, написавшую адрес, видит замешательство особы, которой оно адресовано, и угадывает ее тайну. После короткого делового разговора, который, как всегда, он заканчивает очень быстро, он вынимает письмо, весьма похожее на то, о котором идет речь, разворачивает, делает вид, что читает его, а затем кладет рядом с первым, потом снова минут пятнадцать беседует о делах государственных. Наконец, уходя, забирает со стола письмо, ему никак не принадлежащее. Законная его владелица все видит, но, конечно, не смеет ничего сказать в присутствии третьего лица, стоящего рядом. А министр удаляется, оставив на столе собственное письмо самого пустого содержания.

– Вот вам условие, – сказал мне Дюпен, – необходимое, как вы говорили, для полноты власти: вор знает, что потерпевшей известно, кто является вором.

– Да, – заметил префект, – вот уже несколько месяцев, как вор злоупотребляет полученной властью в весьма опасных политических целях. Потерпевшая особа с каждым днем все более убеждается в необходимости получить письмо обратно. Но, конечно, это невозможно сделать открыто. В конце концов, в отчаянии она передала это дело мне.

– Само собой разумеется, – сказал Дюпен, окутываясь клубами дыма. – Более мудрого агента нельзя, я думаю, ни найти, ни желать.

– Вы мне льстите, – отвечал префект. – Впрочем, возможно, что такое мнение и существует.

– Очевидно, письмо, – сказал я, – как вы сами заметили, все еще у министра, ибо обладание письмом, а не его использование, дает министру власть. С использованием письма эта власть пропадет.

– Совершенно верно, – согласился Г., – из этого я и исходил. Прежде всего я позаботился о том, чтобы произвести тщательнейший обыск в особняке, где живет министр. Основная трудность заключалась здесь в том, чтобы провести его без ведома министра. Помимо всего прочего, меня предупредили, что опасность будет особенно велика, если мы дадим ему повод заподозрить нас.

– Но, – сказал я, – вы ведь достаточно *au fait*⁴ в такого рода поисках. Парижская полиция не раз этим занималась.

– Безусловно, поэтому-то я и не терял надежды. К тому же привычки министра давали мне большое преимущество. Нередко он не возвращается домой до утра. Слуг у него совсем не много. Спят они довольно далеко от комнат своего господина и, так как большинство из них из Неаполя, их нетрудно напоить. Как вы знаете, у меня есть ключи, с помощью которых можно открыть любые двери в Париже. Вот уже три месяца, как я провожу чуть не каждую ночь в особняке Д. и лично руковожу поисками. Тут замешана моя честь, к тому же, сказать вам по правде, награда обещана огромная. Вот почему я не бросал поисков до тех пор, пока не убедился, что вор не уступает мне в хитрости. Готов поручиться, что я заглянул во все углы, во все тайники, где только можно было спрятать этот документ.

– Но разве нельзя предположить, – заметил я, – что письмо, хоть и находится у министра, в чем, по-видимому, сомневаться не приходится, спрятано где-либо в ином месте.

– Вряд ли это возможно, – сказал Дюпен. – Положение дел при дворе сейчас таково, что письмо должно всегда находиться под рукой, чтобы его можно было предъявить в любую минуту. В этом особый смысл тех интриг, в которых, как известно, замешан министр, и это для него не менее важно, чем то, что письмо находится у него.

– Как вы сказали? Чтобы его можно было предъявить? – спросил я.

– Вы хотите сказать, *уничтожить*, – сказал Дюпен.

– Совершенно верно, – заметил я. – Тогда, конечно, письмо у него в доме. Вряд ли министр носит его с собой – об этом и говорить нечего.

– Это совершенно исключено, – сказал префект. – Дважды его останавливали – будто бы грабители – и тщательным образом обыскивали. Я сам при этом присутствовал.

– Вы могли бы этого и не делать, – заметил Дюпен. – Ведь Д., насколько я понимаю, не так уж глуп и, конечно, ждал таких нападений. Это в порядке вещей.

– Не *так* уж глуп? – сказал Г. – Да ведь он поэт, а от поэта до глупца рукой подать.

⁴ Опытны (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.